

А.А. Галиев¹, А.Ж. Мырзахметова², С.Б. Галиева³

¹Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылайхана, Алматы, Казахстан;

²Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан;

³Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: galiev_anuar@mail.ru)

Идеология чингизизма в свете теории Э. Хобсбаума «Invention of Traditions».

К 750-летию Золотой Орды

В своем Послании народу Казахстана Президент Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаев подчеркнул важность празднования 750-летия Золотой Орды. Необходимость отметить это событие актуализируется построением государственной и национальной идентичности, а для этого всегда рекрутируется история. Золотая Орда сыграла важную роль в культуре и истории народов Евразии. Но в то же время в советский период ей отводилась роль хищнического государства. В настоящее время повсеместно, в том числе и в России, история этого и постзолотоордынских государств пересматривается. На всей этой территории с периода средневековья в качестве идеологии использовался чингизизм. В соответствии с ним в этих государствах, как и в Казахском ханстве, правила потомки Чингизхана. Ключевым элементом этой идеологии являлся миф о происхождении Чингизхана и ритуал «Хан котурмак». В статье для понимания этого ритуала привлекаются методы семиотики. Показано, что смысл ритуала заключается в утверждении идеи божественной власти. После присоединения Казахстана к России царская власть путем «изобретения традиции» изменило смысл ритуала с целью легитимации своего правления. В 1916 г. в ходе восстания традиция была возрождена.

Ключевые слова: Золотая Орда, чингизизм, Казахское ханство, «Хан котурмак», восстание 1916 г.

Введение

История Золотой Орды является прекрасным примером, иллюстрирующим значимость политики памяти в различных государствах. В период существования Российской империи Золотая Орда, впрочем, как и вообще все государства, созданные кочевниками, оценивалась отрицательно. Объяснение этому было дано известным номадоведом А.М. Хазановым: «Как только интеллектуалы, сначала в Центральной и Восточной Европе, а затем и в других частях света, обнаружили относительную отсталость своих стран по сравнению с западноевропейскими, они стали стремиться найти этому наименее унижительное, с их точки зрения, объяснение. Иначе говоря, они стали искать «козла отпущения». Кочевники идеально подходили для этой роли, потому, что они были «чужими». В русской, венгерской, румынской и других патриотических политизированных историографиях отсталость их стран объяснялась как следствие вторжений и завоеваний кочевников» [1; 475].

Методология и методы исследования

В советский период история Золотой Орды понималась в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». 9 августа 1944 г. один из пунктов августовского Постановления содержит следующие строки: «Предложить Татарскому обкому ВКП(б) организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьёзные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идееге)...» [2; 513–520].

Отныне Золотая Орда могла упоминаться только в отрицательном плане как реакционное феодальное государство, промышленявшее разбоем и грабившее русские княжества [3].

В современной России отношение к золотоордынскому периоду ее истории менее однозначно, что объясняется и тем обстоятельством, что потомки номадов Золотой Орды, различные тюркоязычные народы и, прежде всего, татары, пытаются взглянуть на взаимоотношения этого государства с Русью под другим углом зрения. В их национальной историографии Золотая Орда предстает не как государство, созданное необузданными воинственными кочевниками, существующее исключительно за счет ограбления земледельческих народов, а как государство с уникальной цивилизацией и высокой

культурой. В столице Татарстана — Казани выходит журнал «Золотоордынское обозрение», в котором публикуются работы известных историков из разных стран мира и освещаются различные стороны жизни различных татарских государств. Новая точка зрения постепенно завоевывает позиции и в школьных учебниках истории. Но и старая трактовка не сдает свои позиции. «Wars of Memories» («Войны памяти») нашли свое отражение в споре о целесообразности отмечать окончание Великого стояния на реке Угре. Этот вопрос даже стал предметом обсуждения в Государственной думе в 2019 г. [4].

Обсуждение

Интерес к событиям далекого прошлого на столь высоком уровне объясняется, прежде всего, инструментальной функцией истории, которая заключается в легитимации политических решений и геополитических реалий, в том числе и обоснований правильности существующего политического режима, его государственных и административных границ, да и собственно оправдания создания нового государства. Иначе говоря, истории принадлежит важная роль в государственном и национальном строительстве. Подтверждением этому может служить пример наших соседей по центральноазиатскому региону. Так, Таджикистан обращается к Государству саманидов и арийскому периоду, Кыргызстан — к эпохе «великодержавия», Узбекистан — к Империи Тимура. Последний пример показывает особую значимость и ценность великих империй и их создателей, легендарных воителей прошлого не только в глазах государственных и национальных деятелей. В этом отношении наиболее привлекательной представляется фигура «Потрясателя Вселенной» Чингисхана, который, как известно, с огромным отрывом от «конкурентов» получил титул «Человек Второго тысячелетия». Собственно этим можно объяснить, что фолк-историки, представляющие разные национальные мифологизированные версии прошлого, пытаются апроприировать эту неординарную личность. Поэтому Чингисхану принадлежит почетное место в выкладках классиков «Новой хронологии» Фоменко и Носовского. Обоснованию идеи осетинского происхождения воителя посвятила свою монографию Залина Джиева. Не отстали от них и наши мифологизаторы, под пером которых Чингисхан обрел казахскую идентичность. Не углубляясь в проблему мифологизации казахской истории, просто отметим, что она имеет достаточно большой конфликтогенный потенциал, но кроме того, наши фолк-историки, пытаясь присвоить личность «Потрясателя Вселенной», добились противоположного результата — сформировали у знающей и думающей аудитории устойчивое неприятие к проблеме Золотой Орды. Поскольку это неприятие наложилось на ту нелюбовь к монголо-татарскому завоеванию, которую долгое время формировали в Российской империи и в СССР, то в итоге золотоордынская тематика оказалась на периферии современной казахстанской историографии, чем не преминули воспользоваться отдельные популяризаторы, не имеющие профессионального образования. Сейчас, к примеру, в Специализированном институте истории и этнологии нет ни одного историка, занимающегося золотоордынским периодом и постзолотоордынскими государствами, в том числе и Казахским ханством.

Между тем в советский период немногочисленные профессионалы рассматривали самые различные проблемы, связанные с образованием и существованием Казахского ханства, как государства, основанного чингидами Кереем и Джанибеком. К сожалению, таких специалистов, в силу различных причин, в том числе и означенных выше, было парадоксально мало, учитывая значения Казахского ханства для нашей истории и идентичности. В их числе следует назвать К.А. Пищулину и, ученицу В.П. Юдина, М.Х. Абусейтову. Одним из значительных достижений казахстанских историков в изучении проблемы является разработка идеологии чингизизма, предложенная В.П. Юдиным. Суть этой идеологии сводится к следующему: «... у ряда кочевых народов синтез шаманистских, буддийских, мусульманских и других концепций и чингизидской доктрины привел к сложению фактически нового иллюзорного мировоззрения, новой идеологии, которые в условиях социально стратифицированного общества не только овладели сознанием и психологией господствующих слоев, но и, в соответствии с законами общественного развития, духовно подчинили себе широкие народные массы. Ведь были только «на небе бог и на земле Чингисхан...». Мы полагаем, что в данном случае есть все основания говорить о сложении новой религии. Религия эта была одной из составляющих мировоззрения и идеологии, порожденных татаро-монгольскими завоеваниями. Этот новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений мы назвали *чингизизмом*... «... титул «хан» стал исключительной прерогативой чингизидов. Попытка присвоить ханский титул нечингизидом в сознании тюрко-монгольских и многих других народов отразилась как противоправная и даже аморальная» [5; 486].

В чингизизме в качестве основополагающей идеи служит миф о божественном происхождении Чингисхана. В качестве ритуала, визуализирующего этот миф, ритуала, призванного подчеркнуть идею преемственности потомков Потрясателя Вселенной, легитимизирующего это право, существовал обряд возведения хана на престол — «Хан котурмак». Смысл обряда может быть понят при использовании методов семиотики. Сами эти выборы, реализующие идею о правителе — источнике благополучия общества, являются текстом (в семиотическом смысле), понять который можно при соответствующем анализе.

Прежде всего, необходимость выбора нового хана диктовалась какими-то форс-мажорными обстоятельствами: смерть прежнего правителя либо его неспособность управлять государством, приведшая к плачевным результатам и т.д. В этом случае необходимо было совершить ритуал интронизации. Поскольку в ходе выборов изменялся социальный статус претендента на престол, обряд следует считать инициационным.

Наиболее полное описание этого ритуала оставлено «Геродотом казахского народа» А.И. Левшиным: «Когда число прибывших на выборах делается довольно велико, назначают решительное общее собрание и расстилают рядами ковры и войлоки, на которых султаны, старейшины, бии и родоначальники садятся по старшинству в знатности или власти, а простой народ становится за ними сзади... Когда же хан избран, несколько знатных султанов и старшин идут объявлять ему о том, сажают его на тонкий белый войлок и, подняв на головы свои, опять опускают на землю. Тут, на смену их, со стремлением бросается народ, так же поднимает нового повелителя своего и качает его несколько времени при громких восклицаниях и криках. В заключении войлок, служивший вместо трона, а иногда и самую одежду ханскую разрывают на мелкие части, и всякий старается унести с собою какой-нибудь из них лоскуток, как памятник того, что он был участником выбора. Обычай сей есть остаток времен Чингисовых» [6; 127–128].

Несмотря на достаточно полное описание ритуала интронизации, он должен быть дополнен известием, приводимым известным специалистом по истории Казахского ханства Т.И. Султановым: «... провозглашаемого ханом султана сажали на белый войлок, ... и наиболее влиятельные лица ханства из султанов и биев трижды приподнимали его за концы, провозглашая: «Хан! Хан! Хан!» [7; 86].

Итак, одним из важнейших элементов является белый войлок (кошма), и здесь на первое место выходят не ее утилитарные функции, а знаковое содержание. Претендент, избранный правителем, садился в центр *белой кошмы*. Последняя имеет несколько символических значений. Прежде всего, материал из которого она изготовлена — *шерсть*, связан с идеей изобилия. Достаточно вспомнить золотое руно, ради которого совершили дальнейшее плавание аргонавты.

Поскольку кошма, изготовленная из шерсти, символизировала изобилие, так же, как и хан, который его «источал», то и она, и одежда хана являлись желанными предметами для участников выборов. Здесь каждый старался завладеть кусочком одежды или кошмы, так как по принципу «pars pro toto», даже лоскуток мог принести счастье его владельцу. Поэтому трудно согласиться с мнением, что кусочек кошмы — это свидетельство того (вместо письменного документа), что его владелец присутствовал на церемонии, он «экспонат, который можно в некоторых случаях использовать, чтобы регулировать будущие претензии или показывать внукам». Согласно этому мнению, кусочек кошмы служит напоминанием каждому присутствующему об иллюзорности и временном характере правительства, напоминанием о смертности хана и того, что политическая база для поддержки может также исчезнуть [8; 39]. Также маловероятно, что «... лоскутки ... народ разбирал и уносил по кибиткам в знак того, что хан, который будет плохо управлять своим народом, будет разорван на куски подобным же образом [9; 934].

Белая кошма, на которой возносили хана, имела, как говорилось выше, еще несколько символических значений. В частности, она олицетворяла чистоту намерений хана [10; 86].

Помимо кошмы в ритуале, белым является и молоко, и кобылица, от которой оно было получено. Помимо белизны, здесь важна и форма. Ее четырехугольность — это четыре стороны света, т.е. кошма, описывает вертикальное строение мира и, в силу этого, различные четырехсторонние предметы присутствуют не только в обряде коронации, но и других ритуалах, моделирующих как идеальное общественное устройство, так и Вселенную. Кроме того, существовало и еще одно требование к форме — кошма должна быть не просто четырехугольной, она должна была иметь вид правильного прямоугольника, что гарантировало бы Гармонию, воссоздаваемую ритуалом.

Четырехугольная форма была как бы слепком Космоса, что было универсальным общечеловеческим представлением. Структурирование горизонтального пространства на основе представления о

четырёх сторонах света являет собой культурную универсалию, коренящуюся в психофизиологическом механизме пространственной ориентации. Четырёхугольной представляли себе свою страну скифы. Четырёхугольный Космос моделируется в costume «Золотого человека».

Такой же моделью четырёхугольного горизонтального Космоса является кошма в ритуале коронации. Хан, находящийся в центре этого Космоса, и является его центром, опорой мироздания. Эта идея реализуется и в индийском ритуале ашвамедха. Четыре человека символизируют стороны света и в обряде коронации в Касимовском царстве, где ханом был провозглашен казахский султан Ораз-Мухамед. Сам же он в этом ритуале символизировал центр. В качестве последнего, царь воспринимается и в распространённой у многих народов мира иерархической структуре, где вельможи занимают места по правую и левую стороны от правителя [11; 400].

Следующий элемент ритуала коронации казахских ханов связан с понятием «обход по ходу солнца». Следует заметить, что при описании собственно казахского ритуала интронизации об этом элементе умалчивается. Но, поскольку о нем говорится при описании древнетюркского и хазарского обрядов достаточно подробно, мы вправе предположить, что казахский обычай восходит к древнетюркскому, так как все остальные элементы, в том числе и использование кошмы, совпадают. Следовательно, мы должны рассмотреть семантику и этого действия, полнее раскрывающего смысл ритуала. У орхонских тюрков, где «при возведении государя на престол ближайшие важные сановники сажали его на войлок и, по солнцу, обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение перед ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивали: сколько лет он может быть ханом» [12; 31].

Важнейшим элементом кругового обхода, понимаемого как инициация, является символическая смерть претендента. Претендент «умирал» и возрождался в новом статусе. Обход посолонь девять раз был равносителен символическому времени — девяти месяцам, необходимым для созревания плода. После чего, после троекратного возгласа «Хан! Хан! Хан!» претендент «рождался» уже как хан и становился полноправным правителем.

Круговой обход имел и еще одну смысловую нагрузку. Смерть предыдущего правителя, который в обществе с традиционным мировоззрением рассматривается как опора мироздания, ее центр и источник благодати, воплощение фарна и кута, означала вторжение хаоса в гармоничный космос. Поэтому одним из ритуалов, совершаемых правителями в разных частях планеты, был обход, объезд территории. Так делали хуннские шаньюи (ритуал «объезд леса»), древнерусские князья (полюдь). Даже перечисление владений в титуле российского или австро-венгерского императоров это не что иное, как символический объезд территории, ее космизация, т.е. гармонизация.

Объезд царя-Солнца значил «собрание» Космоса, его сотворение. У монголов божественным землестроителем считался Чингизхан. Ему приписывалось создание земли, он «объезжал землю, а по мере того, как в его голову приходили желания, создавались уголья, необходимые для жизни людей». У монголов существует выражение «Чингисэй иргыль» — «Чингисов круговорот». «Теперь, — писал Г.Н. Потанин, — под этим термином разумеются разъезды тарханов за сбором пожертвований на поддержание в порядке останков Чингиса, но, прежде, этот термин мог обозначать кругосветное путешествие самого... демиурга» [12; 35–37].

Рассмотрение главных элементов ритуала показывает, что его смысл заключался в утверждении идеи божественной природы власти и ее носителя хана. Смысл ритуала «Хан котурмак» был прекрасно известен народам, входящим в Золотую Орду или в постзолотоордынские государства, в том числе и русским, которые воспроизвели его при интронизации казахского султана в Касимовском ханстве. Заложенная в ритуале идея вполне себя оправдывала в период независимости Казахского ханства, правителями которого согласно доктрине чингизизма были потомки «Потрясателя Вселенной». Но с того времени, когда началось постепенное вхождение Казахстана в состав Российской империи, этот ритуал, воплощавший идею чингизизма, должен был трансформироваться так же, как должны были измениться и элементы, его составлявшие.

2 октября 1748 г. ханом Младшего жуза был избран старший сын Абулхаира султан Нуралы. «Достоинство империи Российской, — писал А.И. Левшин, — требовало только того, чтобы киргиз-казаки, как подданные ее, просили у императрицы новому своему начальнику утверждения в звании хана. Уничтожить избрание его по древним обычаям народным и заменить оное произвольным назначением двора было опасно и не нужно, но склонить народ на выбор кого-нибудь из детей Абульхаира казалось нетрудным, а потому Неплюев отправил в Меньшую орду чиновника, с поручением стараться о доставлении ханского достоинства султану Нуралы, когда же он будет избран, то убедить его и

старейшин в необходимости отправить в Петербург посольство для испрошения у императрицы утверждения» [6; 216].

Зимой 1848 г. казахская делегация отправилась в Петербург с прошением утвердить Нуралы в звании хана. Делегация получила соответствующий патент императрицы и вернулась с ним в конце июня.

Таким образом, Нуралы был утвержден в ханском звании в соответствии с «изобретенной традицией», а не по освященному идеологией чингизизма ритуалу.

Процесс инаугурации проходил не в сакральном месте, маркирующем центр Казахского ханства, каковым являлся, к примеру, г. Туркестан, а в лагере на берегу Яика, неподалеку от Оренбурга. На церемонию прибыло более 1000 знатных людей Младшего жуза. Нуралы попросил, чтобы ему было разрешено не повторять вслед за ахуном присягу вслух, в чем ему было отказано. Как считает Ж.Б. Кундакбаева, это объясняется тем, что для правительства, составившего сценарий инаугурации, осмысление присяги путем повторения слов являлось определенным сигналом, знаком подчинения [13; 49].

Церемония объявления Нуралы ханом прошла так же, как и ранее другие церемонии принятия присяги: «Во учрежденном лагере вне палаток был разостлан казенный ковер с золотом; вокруг него стояли или сидели киргиз-кайсацкие султаны или старшины. И. Неплюев кратко объявил, что, по их избранию, Нуралы-хан от Е.И.В. киргизким ханом всемилостивейше подтвержден; читан был публичный патент как на русском, так и на татарском языке, по прочтении которой хан, стоя на коленях, по присланной из Государственной Коллегии иностранных дел форме, присягал и куран целовал, который присяге своими руками печать приложил. А потом на него надета присланная от Е.И.В. двора шуба и шапка, сабля» [14].

Правительство придавало этой церемонии большое значение, потому что это было первое «в киргиз-кайсацком ханы произведение с начала киргиз-кайсацкого подданства», — как писал И. Неплюев в своем донесении в Коллегию иностранных дел от 9 августа 1749 г.

Это видно и по сумме, выделенной на церемонию. В инструкции Коллегии И. Неплюеву на произведение церемонии разрешалось истратить огромную сумму денег — 1000 руб. или более, по его усмотрению. Большую часть этой суммы предполагалось истратить на угощение присутствующих на церемонии султанов и старшин, а также на подарки им. Это была, с одной стороны, дань традиционному обряду, с другой — стремление продемонстрировать мощь и величие государства, назначающего казахского хана [15; 307].

Древняя традиция чингизизма была прервана на семиотическом уровне и выборы хана стали встраиваться в иную знаковую систему. И.И. Неплюев сформулировал это следующим образом: «Дабы киргиз-кайсацкие ханы ханство получали не по своей воле или по одной народной воле, но с высочайшего Е.И.В. соизволения и подтверждения, зане будет то знаком прямого подданства». Начался новый этап в российско-казахских отношениях, который определяется как эпоха фактического утверждения государственно-политического протектората Российской империи над Казахстаном [15; 308].

В ходе указанного ритуала происходило повышение социального статуса участников, увеличение их материального состояния. Впоследствии этот церемониал оброс различными элементами, подчеркивающими его торжественность. Так, в 1824 г. был проведен церемониал возведения султана Джангира в ханское достоинство. Церемония инаугурации описывается следующим образом:

«8. Церемония начинается тем, что главноначальствующий, с ханом и с чиновниками, возшел на приготовленное и украшенное коврами место, объявляет киргизскому собранию, что великий государь император всемилостивейшее соизволил удостоить ханской знаменитой степени сына покойного хана Букея, султана Джангира, по достоинству его и желанию народа, с оставлением на степях астраханских, на что и высочайше знаки ханского достоинства присланы, и чтобы слушали со вниманием высочайшие грамоты к народу и хану Джангиру, которые и читаются вслух на русском и татарском языках. Потом будет предложено хану учинить присягу, для чего он на уготованных коврах встанет на колено и первенствующий из магометанского духовенства будет оную читать вслух по утвержденной форме, а хан повторит за ним вслух же, слово в слово. По окончании присяги должен новый хан поцеловать Алкоран и поднять на голову, потом, встав, приложить к присяге свою подпись и печать. По совершении сего делается одиннадцать выстрелов пушечных, производится беглый ружейный огонь при барабанном бое похода с музыкою. При сем надевается на хана соболья шуба уральским войсковым атаманом, сабля — одним из адъютантов оренбургского военного губернатора и шапка — одним из полковников. Патент же вручит ему главноначальствующий, который хан, приняв, должен

поцеловать и поднять на голову. Ближайшему к хану из султанов вручится грамота к народу. После сего главноначальствующий приглашает хана с султанами к обеденному столу в палатках в степи. При питии за здоровье его императорского величества делается 21 выстрел, за августейшую императорскую фамилию — 15 выстрелов, за главноначальствующего и победоносное войско — 7 выстрелов, за хана и Орду — 5 выстрелов. В то же время киргизцы угощаются на степи же. По окончании обеда хан препровождается чиновниками в свою ставку, а главноначальствующий — в город.

9. В следующий затем день производятся подарки хану, султанам, родоначальникам, старшинам и биям и дается обеденный стол в городе, куда приглашаются хан со знатнейшими султанами; киргизцы же угощаются в степи. В заключение же делается прощание, и церемония оканчивается. Хан в свое кочевье отправляется, а главноначальствующий — в Оренбург» [16].

Ожидание главноначальствующего подчеркивает зависимое положение и напоминает больше утверждение чиновника, а не независимого государя.

Вероятно, в последний раз с ритуалом «Хан котурмак» мы сталкиваемся в 1916 г. в ходе восстания, охватившего Среднюю Азию. Восстание 1916 г. в истории народов Центральной Азии имеет особое значение. Последствия его подавления были для киргизов и казахов катастрофическими. Значительная часть людей, спасаясь от карателей, вынуждена была, бросив родные очаги, бежать в Китай, где их встречали отнюдь не хлебом-солью. Обезлюдившие земли были отданы казакам. Изменился демографический и хозяйственно-культурный ландшафт. Но в ходе восстания происходит и рост национального самосознания, и одним из проявлений этого является попытка возрождения государственности, существовавшей ранее в форме ханства.

В результате различных исторических коллизий сложилось так, что во многих ханствах, возникших на постмонгольском пространстве, династия чингизидов исчезла, но в Казахстане она не только сохранилась, но и образовала привилегированную прослойку общества — ак-суйек. Благодаря этому, казахские чингизиды приглашались на трон в различные регионы от Башкирии до Хивы.

Следовало бы ожидать, что и в восставшем Казахстане ханом будет избран один из казахских чингизидов, но этого не произошло. В Западном, Аргынском ханстве был избран Оспан Чулаков, поскольку среди аргынов аристократическими фамилиями считались Джанибековская и Калыбековская, происходившие от батыра XVIII столетия Джаныбека Кошкарова. За отказом более видных представителей двух этих фамилий от чести стать ханом это звание принял на себя джанибековец Оспан Чулаков. За него, кроме его происхождения, говорило и личное мужество, проявленное им при отобрании посемейных списков от Турсунского волостного управителя.

В Восточном, Кыпчакском ханстве избрали «ханом» авторитетного среди народа Абдигапара Жанбосынова. В последующем 21 ноября 1916 года на курултае представителей 13 волостей (6 волостей кыпчаков, 6 волостей аргынов и 1 волость найманов) ханом избрали кыпчака А. Жанбосынова. Уроженец Картугайской волости, А. Жанбосынов принадлежал к сильному роду тлеулинцев. Он был известный барымтач. В его роду было несколько волостных управителей. Незадолго до империалистической войны он сам был избран в волостные управители и, как указывают источники, — с честью нес это звание.

Иначе говоря, оба руководителя восстания, хотя и были людьми знатными, но не принадлежали к чингизидам — торе. Они, казалось бы, отвергли концепцию чингизизма и, ломая традиционные институты, приняли титул «хан». На самом деле, это не совсем верно, О. Чулаков, в качестве хана был недолго, также недолго ханом был и А. Жанбосынов. Став единым правителем кыпчаков, аргынов и найманов уезда: «Он, — как пишет один из первых исследователей восстания К.В. Харламович, — отказался от звания хана и принял титул эмира в знак того, что желает править не самодержавно, а с помощью народа, в лице его представителей» [17; 71].

Как представляется, это не совсем правильное объяснение. Вероятнее всего, что концепция чингизизма продолжала существовать и поэтому правители, не принадлежавшие к «Золотому роду», начиная даже с могущественного Тамерлана, не осмеливались называться ханами, довольствуясь более скромным титулом «эмир». Отказался от звания хана и руководитель восстания в Семиречье Болат Ашикеев.

На первом этапе восстания была попытка восстановления традиционной государственности в форме ханства. При этом «изобретенная» (по Э. Хобсбауму) царской администрацией традиция инаугурации ханов вряд ли использовалась. Но вместе с тем, была применена «возрожденная» традиция, предполагавшая своего правителя у каждого этнополитического (этнопотестарного) объединения, называемого в советской историографии племенем. Эта традиция существовала до эпохи монгольского

завоевания. Согласно хорошо фундированной теории В.П. Юдина, после данного завоевания, на всей территории, где существовала политическая власть потомков великого завоевателя, утвердилась концепция чингизизма. Можно предположить, что возрождение этой концепции связано с попыткой возрождения казахского государства, во главе которого, вероятно, должен был бы встать представитель «золотого рода», один из казахских торе. Это предположение подтверждается тем, что избранный представителями казахских родов авторитетный в степи А. Жанбосынов отказался от титула «хан», на который не имел права, так как являлся не торе, а рядовым казахом-кипчаком, и принял титул «эмир». Как известно, этот титул использовался и величайшим завоевателем Тамерланом, который так же не был чингизидом, будучи выходцем из племени барлас.

Выводы

Рассмотренный материал показывает, что идеология чингизизма, восходящая к эпохе Чингисхана, существовала на территории Казахстана с золотоордынского периода на всем протяжении истории казахов вплоть до советского времени. Царское правительство, желая показать зависимость казахских ханов от российского императора, фактически отменило ритуал «Хан котурмак» путем изобретения нового обряда. Кроме того, Указами 1821 и 1824 гг. ханская власть была отменена в Старшем и Младшем жузах. Через некоторое время эта же участь настигла и Букеевское ханство. Статус чингизидов был низведен до статуса рядовых граждан Российской империи. Но события 1916 г. показали, что идеология чингизизма продолжала жить в традиционном мировоззрении казахов. Сейчас, когда национальное и государственное строительство нуждается в символическом капитале и ищет опору в историческом прошлом, наверное, можно говорить о том, что традиции казахской государственности имеют корни и в золотоордынский период. Об этом, учитывая инструментальную функцию истории, говорят и японские исследователи [18].

Список литературы

- 1 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир / А.М. Хазанов. — 3-е изд., доп. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
- 2 Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9-е изд., доп. и испр. — Т. 7. — М.: Политиздат, 1985. — С. 513–520.
- 3 Ахмадуллин Н. Как Золотую Орду хотели изъять из истории. История под запретом / Н. Ахмадуллин // Татарстан: общ.-полит. изд. — 27.06.2019. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://protatarstan.ru/zolotaya-orda-pod-zapretom/> (дата обращения: 15.10.2019).
- 4 Дума обсудит осенью Закон о памятной дате свержения на Руси ордынского ига. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/6661681?fbclid=IwAR2_BiWrKEpr5Gg4nvyzGtpf_SVLGwB5Y2ahaZtBzphaV7-iFpp2GChuOX0 (дата обращения: 12.11.2019 г.).
- 5 Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... / В.П. Юдин // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. — Алма-Ата: Наука, 1983. — 194 с.
- 6 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А.И. Левшин. — Алматы: Санат, 1996. — 656 с.
- 7 Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингизхана / Т.И. Султанов. — Алматы: Дайк-пресс, 2001. — 273 с.
- 8 Sela R. Ritual and Authority in Central Asia: The Khan's Inaugurations ceremony / R. Sela // Papers on Inner Asia. — Bloomington, IN: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 2003. — No. 37. — 79 p.
- 9 Иванов И.С. К столетнему юбилею Внутренней (Букеевской) киргиз-кайсацкой Орды / И.С. Иванов // История Букеевского ханства. 1801–1852: Сб. док. и матер. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 940 с.
- 10 Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории) / Т.И. Султанов; отв. ред. В.А. Ромодин. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. — 160 с.
- 11 Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах / В.В. Вельяминов-Зернов. — Т. 4, Ч. 2. — СПб., 1864. — 498 с.
- 12 Потанин Г.Н. Монгольские сказки и предания / Г.Н. Потанин // Записки Семипалатинского подотдела Русского географического общества. — 1919. — Вып. 13. — С. 35–48.
- 13 Кундакбаева Ж. Изобретение традиций: репрезентация Российской империи среди кочевников Северного Прикаспия в XVIII веке / Ж. Кундакбаева // Acta Slavica Iaponica. — 2014. — Т. 35. — С. 55–86.
- 14 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: сб. док. и матер. — Алма-Ата: АН КазССР, 1961. — 741 с.
- 15 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик / И.В. Ерофеева. — Алматы: Санат, 1999. — 334 с.
- 16 Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОрО). — Ф. 6. — Оп. 10. — Д. 2800. — Л. 205–207 об.
- 17 Харлампович К.В. Восстание тургайских казак-киргизов 1916–1917 гг. / К.В. Харлампович // Грозный 1916-й год: сб. док. и матер. — Т. 2. — Алматы: Казахстан, 1998. — 246 с.

18 Суғирбаева М. Почему японские историки считают, что Казахстан стоит на «глиняных ногах»? / М. Суғирбаева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/117294/> (дата обращения: 15.11.2019 г.).

А.А. Галиев, А.Ж. Мырзахметова, С.Б. Галиева

Э. Хобсбаумның «Invention of Traditions» теориясы негізіндегі чингизизм идеологиясы (Алтын Орданың 750 жылдығына орай)

Қазақстан Республикасының Президенті Қ.К. Тоқаев Қазақстан халқына жолдауында Алтын Орданың 750 жылдығын атап өтудің маңыздылығына тоқталған. Бұл оқиғаны атап өту қажеттілігі мемлекеттік және ұлттық бірегейлікті құру қажеттілігімен айқындалады және осы мақсатта тарих әрдайым жұмылдырылады. Алтын Орда Еуразия халықтарының мәдениеті мен тарихында маңызды рөл атқарды. Алайда, сонымен бірге, кеңестік кезеңде оған тек жыртқыш мемлекеттің рөлі тағайындалған. Қазіргі уақытта барлық жерде, оның ішінде, Ресейде және Алтын Ордадан кейінгі мемлекеттердің тарихы қайта қаралуда. Осы елдердің бәрінде чингизизм идеология ретінде пайдаланылды. Соған сәйкес, бұл мемлекеттерде Қазақ хандығындағыдай, Шыңғыс ханның ұрпақтары билік жүргізді. Бұл идеологияның негізгі элементін Шыңғыс ханның шығу тегі туралы аңыз бен «Хан көтермек» рәсімі құрады. Мақалада аталмыш рәсімді қарастыру үшін семиотика әдістері қолданылған. Бұл рәсімнің мәнінде Күдайдың күдіретті билігі идеясын бекіту екендігі көрсетілген. Патша үкіметі Қазақстанның Ресейге қосылғанынан кейін «дәстүрді ойлап табу» арқылы өзінің билігін заңдастыру үшін рәсімнің мағынасын өзгертті. 1916 жылғы көтеріліс кезінде дәстүр қайта жанданған.

Кілт сөздер: Алтын Орда, чингизизм, Қазақ хандығы, «Хан көтермек», 1916 жылғы көтеріліс, «Invention of Tradition».

A.A. Galiyev, A.Zh. Myrzakhmetova, S.B. Galiyeva

The ideology of Genghisism in the light of E. Hobsbaum's theory «Invention of Traditions» (in the light of the 750th anniversary of the Golden Horde)

The President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh.K. Tokayev in his Message to the people of Kazakhstan highlighted the importance of celebrating the 750th anniversary of the Golden Horde. The need to celebrate this event is determined by the construction of state and national identity, and for this, history is always recruited. The Golden Horde had played an important role in the culture and history of the peoples of Eurasia. Nevertheless, at the same time, in the Soviet period, it was assigned the role of a predatory state. At present, everywhere, including in Russia, the history of this and the post-Golden Horde states is being revised. In all these countries, Genghisism had been used as an ideology. In accordance with it, in these states, as in the Kazakh Khanate, the descendants of Genghis Khan had ruled. A key element of this ideology was the myth of the origin of Genghis Khan and the ritual «Khan Koturmak». The paper applies the methods of semiotics to consider this ritual. It is shown that the meaning of the ritual is to affirm the idea of divine power. After the accession of Kazakhstan to Russia, the Tsarist government changed the meaning of the ritual through the «invention of tradition» in order to legitimize its rule. In 1916, during the uprising, tradition was revived.

Keywords: The Golden Horde, Genghisism, the Kazakh Khanate, «Khan Koturmak», the uprising 1916, Invention of Tradition.

References

- 1 Khazanov, A.M. (2002). *Kochevniki i vneshnii mir [Nomads and the outside world]*. (3rd ed., add.). Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 2 Postanovlenie TsK VKP(b) «O sostoianii i merakh uluchsheniia massovo-politicheskoi i ideolohicheskoi raboty v Tatarskoi partiinoi orhanizatsii». 9 avhusta 1944 h. [Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks (Bolsheviks) «On the Status and Measures to Improve Mass-Political and Ideological Work in the Tatar Party Organization». August 9, 1944] (1985). *KPSS v rezoliutsiakh i resheniakh sezdov, konferentsii i plenumov TsK — CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. (9th ed., add. and rev., Vol. 7). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 3 Akhmadullin, N. (2019) Kak Zolotuiu Ordu khoteli iziat iz istorii. Istoriia pod zapretom [How the Golden Horde was wanted to be removed from history. History banned]. Tatarstan: socio-political publication. — 06/27/2019. *protatarstan.ru* Retrieved from <http://protatarstan.ru/zolotaya-orda-pod-zapretom> [in Russian].
- 4 Duma obsudit oseniu Zakon o pamiatnoi date sverzheniia na Rusi ordynskoho iha [The Duma will discuss in autumn the law on the memorable date of the overthrow of the Horde yoke in Russia]. *tass.ru*. Retrieved from https://tass.ru/obschestvo/6661681?fbclid=IwAR2_BiWrKEpr5Gg4nvyzGtpf_SVLGwB5Y2ahaZtBzphaV7-iFpp2GChuOX0 [in Russian].

- 5 Yudin, V.P. (1983). Ordy: Belaia, Siniia, Seraia, Zolotaia... [Hordes: White, Blue, Gray, Gold...]. *Kazakhstan, Sredniaia i Tsentralnaia Azia v XVI–XVIII vv. — Kazakhstan, Central and Central Asia in the XVI–XVIII centuries*. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 6 Levshin, A.I. (1996). *Opisanie kirhiz-kazachikh ili kirhiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kyrgyz Cossack or Kyrgyz Kaisat hordes and steppes]*. Almaty: Sanat [in Russian].
- 7 Sultanov, T.I. (2001). *Podniatyie na beloi koshme. Potomki Chinhizkhana [Raised on a white large felt mat. Descendants of Genghis Khan]*. Almaty: Daik-press [in Russian].
- 8 Sela, R. (2003). Ritual and Authority in Central Asia: The Khan's Inaugurations ceremony. *Papers on Inner Asia*. — Bloomington, IN: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 37, 79.
- 9 Ivanov, I.S. (2002). K stoletnemu yubileiu Vnutrennei (Bukeevskoi) kirhiz-kaisatskoi Ordy [The centennial of the Inner (Bukeev) Kirghiz-Kaisatsky Horde]. *Istoriia Bukeevskogo khanstva. 1801–1852: Sbornik dokumentov i materialov — History of the Bukeev Khanate. 1801–1852: Collection of documents and materials*. Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 10 Sultanov, T.I. (1982) *Kochevye plemena Priaralia v XV–XVII vv. (voprosy etnicheskoi i sotsialnoi istorii) [Nomadic tribes of the Aral Sea region in the XV–XVII centuries (issues of ethnic and social history)]*. (Resp. ed. V.A. Romodin). Moscow: Hlavnaia redaktsiia vostochnoi literatury [in Russian].
- 11 Velyaminov-Zernov, V.V. (1864). *Issledovaniia o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh [Research on the Kasimov kings and princes]* (Vol. 4, Pt. 2). Saint Petersburg [in Russian].
- 12 Potanin, G.N. (1919). Monholskie skazki i predaniia [Mongolian Tales and Traditions]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Russkogo heograficheskogo obshchestva — Notes of the Semipalatinsk Branch of the Russian Geographical Society*, 13, 35–48 [in Russian].
- 13 Kundakbaeva, J. (2014). Izobrenenie traditsii: reprezentatsiia Rossiiskoi imperii sredi kochevnikov Severnogo Prikaspiia v XVIII veke [Inventing Traditions: Representation of the Russian Empire among the Nomads of the Northern Caspian in the 18th Century]. *Acta Slavica Iaponica*, 35, 55–86 [in Russian].
- 14 *Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vv.: sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries: collection of documents and materials]*. Alma-Ata: Akademiia nauk Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 15 Erofeeva, I.V. (1999). *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel i politik [Khan Abulkhair: commander, ruler and politician]*. Almaty: Sanat [in Russian].
- 16 *Hosudarstvennyi arkhiv Orenburhskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region]* (n.d.). 6, 10, 2800, 205–207 [in Russian].
- 17 Kharlampovich, K.V. (1998). Vosstanie turhaiskikh kazak-kirhizov 1916–1917 hh. [The uprising of the Turgai Cossack Kyrgyz 1916–1917]. *Hroznyi 1916-i hod: sbornik dokumentov i materialov — Grozny, 1916: a collection of documents and materials*. (Vol. 2). Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 18 Sugirbaeva, M. (2019). Pochemu yaponskie istoriki shchitaiut, chto Kazakhstan stoit na «hlinianykh nohakh»? [Why do Japanese historians believe that Kazakhstan stands on «clay feet»?] *exclusive.kz* Retrieved from <http://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/117294> [in Russian].